

УДК 93/94
DOI 10.52452/19931778_2023_2_48

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2023 г.

Т.И. Никифоров

Российский университет дружбы народов, Москва

nikiforoff.timur@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.10.2022

Проводится анализ отечественной историографии по проблеме морально-психологического состояния жителей блокадного Ленинграда в самый сложный период ее протекания – зимой 1941/42 г. Автор выявляет особенности освещения блокады в зависимости от политической ситуации в стране в советский период и сопоставляет основные положения работ советских и современных исследователей. Проведенный анализ показал, что освещение проблемы морально-психологического состояния ленинградцев в отечественной историографии на начальном этапе своего формирования носило идеологизированный характер: исследователи говорили исключительно о моральной стойкости населения, в то время как тема проявления социальных девиаций была табуирована. Другой особенностью было подчеркивание роли государственных структур в помощи ленинградцам. С течением времени уже в рамках историографии советской эпохи происходил постепенный отход от заданных канонов в освещении блокадного Ленинграда. Для современных российских авторов характерен отказ от замалчивания проблем, связанных с жизнью населения в условиях перенапряжения моральных сил. В то же время выявлено, что процесс внутреннего психологического распада отдельного индивидуума купировался обществом, которое в целом сохраняло традиционные духовно-нравственные нормы и не давало процессу расчеловечивания приобрести доминирующие позиции в блокадном социуме.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, голод, этические нормы, жители осажденного города, нравственные традиции.

Актуальность темы и методология исследования

Изучение различных аспектов повседневной жизни блокадного Ленинграда является важным составным элементом истории Великой Отечественной войны. Героический подвиг ленинградцев, находившихся в блокадном городе, получил свое международное признание. В частности, в январе 2020 г. в Израиле был открыт первый в дальнем зарубежье монумент «Свеча памяти», посвященный подвигу Ленинграда.

К сожалению, от советского общества долго скрывали то, что происходило в Ленинграде в период блокадных дней: особенно информацию о числе погибших от голода, а изучение проблемы тяжелейшего морально-психологического состояния населения было табуированным. В ходе так называемого «ленинградского дела» был практически уничтожен Музей обороны Ленинграда, ликвидированы многие документы блокадного периода, а «заговорщики», обвиненные в «раздувании подвига Ленинграда в ущерб подвигу обороны Москвы и других городов-героев, в первую очередь Сталинграда», были расстреляны. Одним из последствий «ленинградского дела» стали опасения участников

обороны Ленинграда и историков проводить исследования и публиковать материалы о трагических страницах блокады. Данная преграда начала постепенно преодолеваться только после смерти И.В. Сталина, а получение доступа с конца 1950-х гг. к ранее недоступным архивным источникам позволило историкам приступить к переосмыслению и уточнению официальной версии блокадной истории [1, с. 73–74].

В последнее тридцатилетие ученые имели уникальную возможность свободно изучать блокадную проблематику, затрагивая всевозможные аспекты военной повседневности, в том числе и «неудобные вопросы» морального состояния населения и связанные с этим девиации поведения [2]. Работа отечественных исследователей оказалась очень плодотворной: за прошедший период постсоветского развития опубликовано большое количество сборников партийных документов, воспоминаний и дневников современников блокады [3–10], написано солидное количество научных работ, а на страницах академических журналов развернулись дискуссии по изданным публикациям [11, 12].

В данной статье ставится задача обзора накопленного историографического массива исследований советских и современных отече-

ственных авторов по проблеме морально-психологического состояния жителей блокадного Ленинграда в трагическую зиму 1941/42 г. с целью выявления основных тенденций изучения указанного аспекта «блокадной литературы».

Автор опирается на применение совокупности различных научных методов. В том числе сравнительно-исторического, методов причинно-следственного и структурно-функционального анализа.

Советская историография

Первые научные работы, в которых рассматривалась история блокадного Ленинграда, были опубликованы уже в годы Великой Отечественной войны. В первую очередь в них рассматривались вопросы военной обороны города. В работах делался особый акцент на героизме и непоколебимой воле к победе жителей города. Особая роль при этом отводилась советской идеологии, выступавшей залогом морально-психологической стойкости населения. В научных работах не было зафиксировано ни одного упоминания о случаях паникерства или распространения слухов о сдаче города – все свидетельствовало исключительно о моральной непоколебимости советских граждан [5].

Такой подход сохранялся в исторической науке и в послевоенный период. Советские историки М. Богатов и В. Меркурьев отмечают, что блокада Ленинграда и наступление голода зимой 1941/42 г. сплотили народ и Красную армию в один большой гарнизон. Авторы подчеркивают, что именно советская идеология вселила веру в сердца и умы людей и сделала их морально стойкими и сильными в психологическом смысле [4, с. 59].

В хрущевский период развития исторической науки впервые встречаются упоминания отдельных случаев морального разложения ленинградцев. Советский исследователь Д.В. Павлов говорит о воровстве продовольствия, хищениях хлебных карточек и мародерстве. При этом подчеркивалось, что данные случаи носили единичный характер и совершались криминальными элементами. Основная же масса населения проявляла необходимую сознательность и стойкость [8].

Другой исследователь, А.А. Карасев, также поставил задачу выяснить: что стало причиной распространения преступной деятельности в Ленинграде и было ли это связано с общей моральной деградацией [6]. Проанализировав материал, автор пришел к выводу, что преступные действия были санкционированы разведывательной службой вермахта, которая имела сле-

дующие задачи: распространить диверсионную активность из числа агентов, завербованных из советских граждан; создать обстановку беззакония в Ленинграде; внушить населению мысли о неспособности руководства Ленинграда поддерживать порядок в городе. Таким образом, поддельные продуктовые карточки, дезорганизация торговли и хищение продовольствия являлись последствиями действий диверсантов и предателей, завербованных службами абвер и СД, а не следствием морально-нравственного упадка жителей Ленинграда. А.А. Карасев утверждал, что преступная деятельность была направлена на ухудшение морально-нравственного состояния Ленинграда с целью заставить жителей сдать город [6, с. 192].

Тактический план гитлеровцев по моральному разложению ленинградцев не сработал, и, по словам А.А. Карасева, ленинградцы и рабочие оставались примером моральной стойкости и духовного самообладания на протяжении всего блокадного периода. В то же время А.А. Карасев выступает одним из первых советских исследователей, который признает, что голод все же приводил к эмоциональным изменениям, отображавшимся на внешнем облике людей. Автор отмечает, что продовольственное положение оказывало серьезное давление на морально-психологическое состояние жителей. Им приходилось мириться с возможностью наступления голодной смерти. Вместе со скудным питанием и голодом произошла также утрата способности у ленинградцев эмоционального реагирования на внешние раздражители – произошло их психологическое «обездвиживание», что приводило к отсутствию у человека признаков грусти или радости на лице [6, с. 138].

Другой советский исследователь, А.В. Васильев, описывая масштабы смертности в осажденном городе, также признает, что под давлением тяжелейших психологических условий жизни ленинградцам было очень сложно сохранять необходимый оптимизм и веру в неминуемую победу. Город превратился в кладбище, в котором покойники лежали без гробов. Каждому человеку пришлось видеть эту картину, выходя ежедневно на работу, чтобы производить снаряды или заниматься ремонтными работами. А.В. Васильев отметил, что атмосфера блокады наполняла человека негативными мыслями и пессимистическими взглядами на происходящее [13, с. 189].

И все же советские исследователи по-прежнему говорили о сплоченности общества, коллективизме и взаимовыручке. Главная роль, по мнению Н.А. Манакова, при этом отводилась усилиям со стороны руководства города по ор-

ганизации мероприятий, нацеленных на поддержание морального состояния горожан. В частности, были созданы специальные комиссии из гражданских лиц, осуществлявших обходы по всем жилым домам города и обеспечивших уход за больными и истощенными людьми. Подобный вид поддержки ленинградцев создавал ощущение сплоченности всего города, ставшего одной семьей, независимо от национальности и происхождения [14, с. 139].

В последующие годы после «хрущевской оттепели» советские ученые по-прежнему в своих произведениях подчеркивали присутствие психологической устойчивости и высокого морального духа ленинградцев, несмотря на голод и тяжелые бытовые условия существования. Заметная роль при этом отводилась средствам массовой информации и мероприятиям, имевшим культурно-патриотическую направленность. Особенно их значимость возрастала во время массовых налетов и обстрелов города, когда люди вынужденно собирались в бомбоубежищах, подвалах или других укрытиях. Там чаще всего организовывались концерты, в ходе которых читались стихи, проходили хоровые выступления и пение народных песен. Другими примерами деятельности инициативных граждан, политруков из Военного Совета Ленинграда по подъему морального и боевого духа ленинградцев являлось чтение газет, обсуждение сводок с фронта и проведение дискуссий по политическим вопросам [15, с. 147].

Уникальным для своего времени стало произведение «Блокадная книга», написанная Даниилом Граниным и Алесем Адамовичем в конце 1970-х гг. Это была первая попытка показать горькую правду блокадной повседневности, которая была описана на основе 200 воспоминаний очевидцев тех страшных событий. И эта «живая история» заметно отличалась от патетической официальной версии. Как позже вспоминал один из соавторов, «к тому времени существовал устоявшийся идеологизированный образ блокады как героического подвига ленинградцев, которые, несмотря на 900 дней голода, холода, обстрелов, не сдали города, защитили... Однако перед нами был другой материал. Официальная картина блокады могла как-то подойти к заслугам Ленинградского фронта, но горожане, они-то жили и умирали по другим законам...» [16, с. 13].

Впервые фрагменты ее были опубликованы в журнале «Новый мир» в 1977 г. (№ 12). Неприятная правда о происходивших событиях в блокадном городе не устроила цензоров, и на публикацию книги был наложен запрет. Ее первое издание состоялось только в 1982 г. после

изъятия всех упоминаний о мародерстве, людоедстве, некомпетентности городских властей. Но, по признанию самих авторов, далеко не все вошло в книгу из того, что авторы узнали из бесед с ленинградцами, по их собственному решению. По их словам, во время разговоров с блокадниками им пришлось постичь «такие низины человеческой психики, таких человеческих поступков, которые было бы слишком жестоко приводить» [16, с. 13]. Ленинградцы жили в состоянии хронического голода, и это чувство невероятно искажало человека. Авторы не осмелились писать о девиациях взрослых, но упомянули о нездоровом поведении детей. Так, почти типичной картиной в семьях ленинградцев было следующее: дети «сидели, покачиваясь из стороны в сторону, что-то ковыряли непрерывно, методично, стараясь как-то заглушить сводящее с ума чувство голода» [3, с. 267].

В отличие от остальных произведений, где основную роль в спасении горожан играли местные партийные власти, в «Блокадной книге» ленинградцы «были предоставлены самим себе» и людей объединяла не только общая беда и общий враг, но и «совершенно особое блокадное чувство свободы – от страха, от гнева властей» [3, с. 10].

А. Адамович и Д. Гранин показали достоинство Ленинграда как города духовной культуры, а ленинградскую интеллигенцию – как людей могущественной душевной силы. В блокаду они писали стихи, вели дневники, много читали, и эта духовная пища помогала им держаться, оставаться людьми в моральном смысле.

Другой советский исследователь А.Н. Крюков рассмотрел роль искусства в поддержании морально-психологического состояния жителей блокадного города. Опираясь на воспоминания ленинградцев, он сделал вывод, что музыка выполняла функцию воскресителя человеческих чувств и эмоций. Уставшее от войны население стремилось попасть в театр, так как внутри его здания царил энергетика мирной жизни. Количество людей, полюбивших музыку, заметно возросло именно в голодные 1941–1942 гг. Те ленинградцы, которые не так давно считали музыку скучным и бессмысленным видом искусства, пришли к осознанию того, что без музыкального творчества им было бы гораздо сложнее переносить невыносимые условия блокады [17].

Современная историография

В современной отечественной историографии была продолжена тема культурной жизни Ленинграда, которая помогала жителям под-

держивать позитивное психоэмоциональное состояние человека. А.И. Мелуа рассказывает читателям о том, что в Ленинграде не прекращали работу библиотеки [7, с. 35].

Д.В. Мотылев подчеркивает важность театральной и кинематографической жизни в сплочении, воодушевлении и подъеме морального духа ленинградцев. Даже несмотря на дефицит электроэнергии, кинотеатры, где людей старались развлечь кинохроникой и художественными фильмами, не прекращали свою работу. Просмотр духоподъемных спектаклей и кинолент помогал людям отвлечься от невыносимых условий жизни и вдохновлял их на продолжение производственных работ ради приближения общей победы над фашизмом [18, с. 20].

По-прежнему исследователи писали о действиях государственно-партийного руководства, направленных на предотвращение появления деградированных настроений среди жителей блокадного Ленинграда. Д.В. Мотылев говорит об активно проводившихся общественных мероприятиях, направленных на то, чтобы сплотить горожан, не дать им атомизироваться и впасть в уныние. Так, на регулярной основе проводились вечерние собрания, где обсуждались вопросы труда и состояния рабочих.

Не менее важной частью социальной коммуникации на тот момент стала печатная и наглядная агитация. По радио выступали известные личности – писатели, художники, поэты, которые увлекали ленинградских слушателей духоподъемными историями и должны были помогать ленинградцам в критические минуты отчаяния сохранять надежду на победу и возвращение мирной жизни [18, с. 20].

Необходимо отметить, что ситуация в городе была настолько критической, что усилий со стороны партийно-государственного руководства не было достаточно, для того чтобы справиться с тем мраком, который опустился на город.

Одним из ведущих исследователей истории блокадного Ленинграда является Н.А. Ломагин, защитивший в 2005 г. докторскую диссертацию по теме «Политический контроль и негативные настроения ленинградцев в период Великой Отечественной войны». Автор проследил изменения в политических настроениях ленинградцев на основе регулярных донесений СПО в НКВД СССР, а также спецсообщений об агентурно-оперативной работе Управления наркомата внутренних дел по Ленинградской области. В своем исследовании Н.А. Ломагин указывает на то, что в городе, по мере увеличения проблем со снабжением, росло число лиц, настроения которых органы государственной безопасности и партийные информаторы харак-

теризовали как негативные. При этом они обнаруживались практически среди всех слоев населения. Власть впервые столкнулась с кризисом доверия. В дальнейшем, в связи с голодом, негативные настроения лишь развивались [19, с. 34].

Причиной роста данной отрицательной тенденции Н.А. Ломагин называет не только голод и в целом ухудшение условий существования, но и некритическое отношение ленинградцев к потоку социальной демагогии, распространявшейся противником через различные каналы. Число проявлений таких настроений постоянно росло и, по данным военной цензуры, достигло в январе 1942 г. наивысшей точки – 20% [19, с. 35].

К чести работников спецслужб, Н.А. Ломагин признает, что власть проявила способность проводить планомерную работу, не скатываясь к «чрезвычайщине», в феврале и в марте 1942 г. статистические данные военной цензуры свидетельствовали о некотором снижении негативных настроений [19, с. 35].

Важную роль в изучении специфики жизни и быта блокадного Ленинграда играют также вводимые в научный оборот многочисленные индивидуальные документы – письма, дневники, мемуары, записные книжки, которые способны более четко осветить характер морально-психологического состояния жителей блокадного Ленинграда и предоставить исследователю возможность дать правильную научную оценку [20].

Страшным страницам блокады посвятил свои многочисленные исследования петербургский ученый С.В. Яров. В них он без ретуши и без купюр рассказывает обо всем трагизме существования людей, находившихся в нечеловеческих условиях осажденного города. Наиболее уязвимыми были одинокие люди. Если членов семьи старались спасти во что бы то ни стало, если друзей стремились, насколько возможно, опекать, если для соседей соглашались хотя бы что-то сделать, то одиноким оставалось надеяться только на поддержку государственных структур, которая была нередко ограниченной. С незнакомцами далеко не всегда делились хлебом и другими продуктами, они могли падать на улицах от истощения и недоедания, не получая при этом необходимую помощь. Как пишет автор, «граница между “своими” и “чужими” существовала всегда, но особенно ощутимой она стала во время войны. Пространство этики неизбежно сокращалось – у одиноких было меньше всего шансов выжить» [21, с. 78].

В своем главном произведении «Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг.» С.В. Яров показал, как голод и тяжелые условия блокады выкачивали из людей жизненные силы, физически истощали их. И, к

сожалению, некоторых из ленинградцев указанные факторы морально сломали, приводили к росту апатии и бездушия. Происходило стирание привычных человеческих чувств – эмпатии, сострадания. Напротив, усиливалось циничное восприятие происходившего, а оказание помощи другим людям оценивалось как бессмысленная трата времени. В качестве примера автор привел случай на Сытном рынке в декабре 1941 г., когда взрослые люди, видя, как погибали другие, не обращали на это никакого внимания, не считая своим долгом спасти тех, кто был обречен на смерть [10, с. 16].

Чувство голода в сознании людей стирало грань между дозволенным и недозволенным, укрепляло в нем готовность идти «по головам», чтобы спасти себе жизнь. Человек на данной стадии был готов перейти все границы совести и морали, лишь бы насытиться и выжить. Тем не менее люди останавливались у последней черты. В этом решающую роль играл социум и общественные механизмы социального контроля. При этом С.В. Яров не имеет в виду те общественные и культурные мероприятия, которые централизованно проводились городскими властями. Он говорит о будничном повседневном взаимодействии людей, порой даже совершенно случайных и незнакомых. Хотя в сознании отдельных индивидуумов происходили процессы морального распада, внешне общество продолжало демонстрировать строгую приверженность человеческим нормам морали, и это спасало людей от полной деградации. Так, когда маленькая девочка с радостью сказала о смерти матери, давшей возможность питаться по лишним «карточкам», на нее оглянулась «половина очереди». По словам С.В. Ярова, «только здесь, под чужими взглядами, в скоплении людей, а не в пустых “выморочных” квартирах, человек должен был еще следовать цивилизационным правилам. А если не хотел этого делать, то встречал резкий и незамедлительный отпор» [22, с. 83].

Вообще большое количество времени люди проводили именно в очередях, и здесь осуществлялась необходимая психологическая взаимоподдержка населения. Люди делились последними новостями, различной информацией и рецептами по приготовлению суррогатов для питания. Патриотических и духоподъемных разговоров при этом не велось. И если в первые месяцы блокады еще обсуждались военные сводки, то к концу 1941 г. разговоры о немцах совершенно прекратились, «их считали чем-то вроде стихийного бедствия <...>, прошедшего стадию кульминации» [22, с. 82]. Гораздо важнее людям было обсудить бытовые проблемы, с

которыми они сталкивались ежедневно, находясь в ежеминутной борьбе за собственное выживание. Частыми в блокадных «очередях» являлись рассказы о несправедливостях, о мошенниках, спекулянтах, ворах и грабителях. Негодование, отторжение преступной морали соединяло горожан, упрочивало и укрепляло присущий им нравственный канон [22, с. 82].

Говоря об этических заповедях ленинградцев, которые не были утрачены и во время катастрофы, С.В. Яров выделяет чувство благодарности за помощь. Находясь наедине со своими тяжелыми мыслями, истощенные, обессиленные, а порой и обозленные люди чрезвычайно живо реагировали на любое, даже малейшее сострадание в свою сторону. Они не стыдились никакого выражения благодарности, не щадили своего самолюбия и не выказывали гордости. Добро порождало желание отплатить добром, нередко сближая даже незнакомых горожан. Запускалась цепная реакция милосердия и сострадания. «Так, – пишет С.В. Яров, – тепло человеческого участия делало неостановимым этот маятник добрых дел» [23, с. 172].

Другой исследователь, В.Л. Пянкевич, в своем научном труде исследует феномен неформального коммуникативного пространства, «сарафанного радио» в общении ленинградцев, обмене информацией и опытом, что дополняло официальные и агитационные материалы [24].

Крупный советско-российский исследователь Г.Л. Соболев, в детстве переживший блокаду, в период с 2013 по 2017 г. опубликовал трилогию «Ленинград в борьбе за выживание в блокаде» [25; 26; 9]. Первая из этих книг была посвящена самому трагическому периоду – голодной зиме 1941–1942 гг. Опираясь на широкий круг источников, включая дневники и воспоминания ленинградцев, автор день за днем воссоздает жизнь осажденного города, умело сочетая анализ военной и политической ситуации в городе с повествованием о повседневной жизни населения. Г.Л. Соболев указывает, что непрерывные обстрелы и бомбежки держали население блокированного Ленинграда в постоянном нервно-психическом напряжении, и людям приходилось прилагать над собой очень серьезные усилия для того, чтобы побороть «смятенное состояние ленинградцев». Блокадные условия жизни, и в первую очередь надвигавшийся голод, привели к росту среди населения так называемых «негативных настроений». По данным Управления НКВД по Ленинградской области, осуществлявшего контроль за настроениями ленинградцев, с начала войны до 25 октября 1941 г. за «контрреволюционную деятельность» было арестовано 3 374 человека.

В городе не было организованного сопротивления власти, но рост пораженческих настроений в октябре 1941 г. среди различных групп населения был достаточно заметным [25, с. 193]. В качестве примера подобного психологического состояния приводится запись из дневника от 31 октября 1941 г. директора Архива Академии наук СССР Г.А. Князева: «Вдруг просто, жестоко, мучительно встал вопрос о полной безнадежности для нас, осажденных в Ленинграде. Никаких перспектив, кроме голода и страшных испытаний, впереди. И жутко стало перед этой вдруг обнажившейся бездной... Что осталось? Погибать, только погибать...» [25, с. 194].

Исключительно важную роль в жизни населения блокированного города, по мнению Г.Л. Соболева, сыграло радио: «Оно связывало ленинградцев со всей страной, держало их в курсе основных событий, происходивших за кольцом блокады, служило одним из источников их поддержки, стойкости и энергии» [25, с. 191], – отмечает исследователь в своем произведении. Также он высоко оценивает инициативную работу ленинградцев, которая выражалась в обмене делегациями с воинскими частями. Встречи воинов фронта и флота с трудящимися Ленинграда, проходившие в теплой, сердечной обстановке, показывали единство армии и народа, непоколебимую уверенность в победе над врагом. Бойцы заверяли делегатов, что они добьются разгрома врага под Ленинградом и прорвут кольцо блокады. Рабочие, со своей стороны, обещали еще больше помогать фронту, усердно трудиться, выполнять и перевыполнять оборонные заказы [25, с. 192].

Российский исследователь С.Н. Уваров, работая с материалами по блокадной проблематике, вводит в научный оборот детские воспоминания как составную часть коллективной эмоциональной памяти о блокаде Ленинграда [27, с. 259].

Заключение

Освещение проблемы морально-психологического состояния ленинградцев в отечественной историографии на начальном этапе своего формирования носило идеологизированный характер: сохранение моральной стойкости населения связано с правильностью советской идеологии, эффективной политикой советского правительства и местного руководства.

В хрущевский период развития исторической науки, признавая воздействие тяжелых трагических обстоятельств на человека, исследователи начали упоминать о проявлении социальных девиаций (в качестве единичных случаев). Говоря же о факторах, помогавших сохра-

нить морально-психологическую устойчивость, все чаще стали указывать не на политику политического руководства, а на моральный дух ленинградцев, укреплявших духовные силы во взаимодействии друг с другом, в посещении культурных объектов и мероприятий: библиотек, театров, кинозалов, а также слушая радио, сочиняя стихи и заполняя свои блокадные дневники.

Для современных российских авторов характерен отказ от замалчивания проблем, связанных с проявлением девиации в поведении жителей Ленинграда в условиях перенапряжения их морально-психологических сил. В ряде исследований отмечаются такие негативные процессы, как рост атомизации городского социума, усиление морально-психологической деградации. В то же время выявлено, что процесс внутреннего психологического распада отдельного индивидуума купировался обществом, которое в целом сохраняло традиционные духовно-нравственные нормы, контролировало, осуждало и противодействовало проявлениям девиантного поведения.

Современные исследователи, вслед за учеными советской эпохи, продолжают говорить о проявлениях человечности, благородства и взаимовыручки в блокадном городе. По достоинству оцениваются и действия властей по организации различных общественных и культурных мероприятий. В то же время гораздо более заметное внимание в новейшей историографии получило описание мрачных сторон городской жизни зимы 1941/42 г. Освещая страшные картины блокадной повседневности, авторы руководствуются идеей о том, что не показав всю меру лишений, отчаяния, ужасов нельзя в полной мере оценить и высоту подвига ленинградцев.

Список литературы

1. Соболев Г.Л. Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2012. № 2.
2. Стенограмма заседания круглого стола «Актуальные вопросы истории блокады Ленинграда» (27 января 2012 г.) // Клио. 2012. № 3 (63). С. 3–10.
3. Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. М., 1982.
4. Богатов М., Меркурьев В. Ленинградская артиллерия / Под ред. Г.Ф. Одинцова. Л., 1946.
5. Героический Ленинград. 1917/1942: Сборник статей. Л., 1943.
6. Карасев А.А. Ленинградцы в годы блокады: 1941–1943. М., 1959.
7. Мелуа А.И. Блокада Ленинграда: Энциклопедия. СПб., 1999.
8. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М., 1958.
9. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 – январь 1944. СПб., 2017.

10. Яров С.В. Блокадная этика: представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб., 2011.
11. Пученков А.С., Смирнов Н.Н., Твердюкова Е.Д. и др. Диалог о книге: Г.Л. Соболев. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде // Российская история. 2019. № 3. С. 150–169.
12. Христофоров И.А., Кантор Ю.З., Иванова А.С. и др. «Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг.» Сергея Ярова // Российская история. 2014. № 3. С. 3–43.
13. Васильев А.В. Борьба за Ленинград в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1959.
14. Мананов Н.А. В кольце блокады: Хозяйство и быт осажденного Ленинграда. Л., 1961.
15. Чероков В.С. Для тебя, Ленинград. Л., 1978.
16. Гранин Д. «Блокадная книга» без цензуры и ретуши: [о произведении «Блокадная книга», изданном в соавторстве с А.М. Адамовичем] // Российская газета. 2000. 4 февр. С. 13.
17. Крюков А.Н. Музыкальная жизнь сражающегося Ленинграда. Л., 1985.
18. Мотылев Д.В. Деятельность государственно-партийного руководства Ленинграда по поддержанию духовной стойкости населения в период блокады. СПб., 2003.
19. Ломагин Н.А. Политический контроль и негативные настроения ленинградцев в период Великой Отечественной войны: Дис. ... д.и.н. СПб., 2005.
20. Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования / Отв. ред. М.В. Лоскутова. М.: Новое изд-во, 2006.
21. Яров С.В. Одинокие люди в блокадном пространстве // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 3.
22. Яров С.В. Соблюдение нравственных норм в блокадном Ленинграде: люди в очередях // История и историческая память. 2011. № 3.
23. Яров С.В. «Вы самый близкий и дорогой для меня человек». Благодарность за помощь в блокадном Ленинграде // Россия XXI. 2014. № 3.
24. Пянкевич В.Л. Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014.
25. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013.
26. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. СПб., 2015.
27. Уваров С.Н. Детские воспоминания о блокадном Ленинграде в материалах Центрального государственного архива Удмуртской Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 2. С. 258–269.

THE MORAL AND PSYCHOLOGICAL STATE OF THE RESIDENTS IN THE BESIEGED LENINGRAD IN SOVIET AND MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

T.I. Nikiforov

The article analyzes Russian historiography on the problem of the moral and psychological state of the inhabitants of besieged Leningrad in the most difficult period of its course - in the winter of 1941–1942. The author reveals the peculiarities of covering the blockade depending on the political situation in the country during the Soviet period and compares the main provisions of the works of Soviet and modern researchers. The analysis showed that the coverage of the problem of the moral and psychological state of Leningraders in Russian historiography at the initial stage of its formation was ideologized: the researchers informed exclusively about the moral stamina of the population, while the topic of manifestation of social deviations was tabooed. Another peculiarity was the emphasis on the role of state structures in helping Leningraders. Over time, already within the framework of the historiography of the Soviet period, there was a gradual departure from the set canons in the coverage of besieged Leningrad. It is typical for modern Russian authors to refuse to hush up the problems associated with the life of the population in the conditions of an overstrain of their moral forces. At the same time, it was revealed that the process of internal psychological decay of a personality was stopped by a society that generally preserved traditional spiritual and moral norms and did not allow the process of dehumanization to acquire a dominant position in the besieged society.

Keywords: Great Patriotic War, famine, ethical norms, inhabitants of the besieged city, moral traditions.

References

1. Sobolev G.L. The Siege of Leningrad: comprehension of the truth // Modern history of Russia. 2012. № 2.
2. Transcript of the round table meeting «Topical issues of the history of the siege of Leningrad» (January 27, 2012) // Clio. 2012. № 3 (63). P. 3–10.
3. Adamovich A., Granin D. The Blockade Book. M., 1982.
4. Bogatov M., Merkuriev V. Leningrad Artillery / Edited by G.F. Odintsov. L., 1946.
5. Heroic Leningrad. 1917/1942: Collection of articles. L., 1943.
6. Karasev A.A. Leningraders during the blockade: 1941–1943. M., 1959.
7. Melua A.I. The Siege of Leningrad: Encyclopedia. St. Petersburg, 1999.
8. Pavlov D.V. Leningrad in the blockade. M., 1958.
9. Sobolev G.L. Leningrad in the struggle for survival in the blockade. Book three: January 1943 – January 1944. St. Petersburg, 2017.
10. Yarov S.V. Blockade ethics: Ideas about morality in Leningrad in 1941–1942. St. Petersburg, 2011.
11. Puchenkov A.S., Smirnov N.N., Tverdyukova E.D., etc. Dialogue about the book. G.L. Sobolev. Leningrad in the struggle for survival in the blockade // Russian History. 2019. № 3. P. 150–169.

12. Khristoforov I.A., Kantor Yu.Z., Ivanova A.S. et al. «Blockade ethics. Ideas about morality in Leningrad in 1941–1942» by Sergei Yarov // Russian history. 2014. № 3. P. 3–43.
13. Vasiliev A.V. The struggle for Leningrad in the Great Patriotic War of 1941–1945 M., 1959.
14. Manakov N.A. In the ring of the blockade: Economy and life of besieged Leningrad. L., 1961.
15. Cherokov V.S. For you, Leningrad. L., 1978.
16. Granin D. «The Blockade Book» without censorship and retouching: [about the work «The Blockade Book», published in collaboration with A.M. Adamovich] // Rossiyskaya Gazeta. 2000. Febr. 4. P. 13.
17. Kryukov A.N. The musical life of the fighting Leningrad. L., 1985.
18. Motylev D.V. The activities of the state party leadership of Leningrad to maintain the spiritual steadfastness of the population during the blockade. St. Petersburg, 2003.
19. Lomagin N.A. Political control and negative sentiments of Leningraders during the Great Patriotic War: Dissertation of the Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 2005.
20. Memory of the blockade: eyewitness accounts and historical consciousness of society. Materials and research / Ed. by M.V. Loskutova. M.: New Publishing house, 2006.
21. Yarov S.V. Lonely people in the besieged space // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2010. № 3.
22. Yarov S.V. Observance of moral norms in besieged Leningrad: people in queues // History and historical memory. 2011. № 3.
23. Yarov S.V. "You are the closest and dearest person to me." Gratitude for help in besieged Leningrad // Russia XXI. 2014. № 3.
24. Pyankevich V.L. People lived by rumors. The informal communicative space of besieged Leningrad. St. Petersburg, 2014.
25. Sobolev G.L. Leningrad in the struggle for survival in the blockade. Book one: June 1941 – May 1942. St. Petersburg, 2013.
26. Sobolev G.L. Leningrad in the struggle for survival in the blockade. Book two: June 1942 – January 1943. St. Petersburg, 2015.
27. Uvarov S.N. Childhood memories of besieged Leningrad in the materials of the Central State Archive of the Udmurt Republic // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. 2021. Vol. 20. № 2. P. 258–269.